

Николай КОЛМОГОРОВ

Кемерово (1948 – 1998)

Подборку стихов Н. Колмогорова подготовил А.Г. Ибрагимов.

ВЗГЛЯД

Мне эти звёзды принадлежат,
и я им принадлежу.
Вот они россыпью в небе лежат,
а я на земле лежу.
Долго лежу, гляжу через тьму
и не хочу понять,
кто чья собственность? И почему
жить дано, умирать?
Да, не хочу понимать совсем
Что такое предел!
Был я всегда. И останусь тем,
Кем и всегда хотел:
Буду, руки раскинув, лежать
На пригорке земли.
Буду снова принадлежать
звездам, а мне – они.

*

От странной мысли вздрогну иногда:
на эту землю, где мороз и вьюга,
мы сметены с небесного листа,
чтоб мучиться
и не жалеть друг друга!

Но точно так же сердце говорит:
на эту землю, где мороз и вьюга,
где столько зла, где позабыли стыд,
мы посланы,
чтоб полюбить друг друга!

В ДЕРЕВНЕ

Задумаюсь. И долго в окно смотрю.
Зимние горы сверкают за низким оконцем!
И снова себя на мысли ловлю
о том,
что все безысходно под солнцем...
Но проснется любимая жена моя,
и скажу ей: «Доброе утро, рыжая воробиха!»
И поцелую. И вся печаль бытия
куда-то улетучится тихо-тихо.
И домик наш бедный, который в сугробы врос,
вдруг покажется чем-то навек прекрасным!..

И выдумка эта растрогает почти до слёз,
и небо будет глубоким и ясным.

*

С теченьем лет, как это ни печально,
стал привыкать и я к тропе утрат.
И вот однажды, может, не случайно
забрел в места, где близкие лежат.

В той глубине, где засыпает птица,
где тихо так, что боязно дышать,
где холм луны в деревьях шевелится,
вселенную... до дна не увидеть!

И вздрогнул я, и, сердцем цепенея,
увидел так, как видеть мог один
струящийся под звезды Водолея
водоворот кладбищенских осин.

Рос влажный хаос зелени бездомной,
стволы столпотворённые вокруг.
И было столько в этом красоты огромной,
что изумился я, забыв испуг.

Те дни, когда мы близких провожали,
во времени переиначил я,
и новыми – прозревшими – глазами
пытался вникнуть в тайну бытия.

Наверно, в сущности, так и выходит:
когда душа переживёт свой час,
не умирают люди, а уходят
и превращеньем удивляют нас.

*

Время осени... Первые утки
потянули пугливый косяк!
Дом за городом. Это не тут ли
жил и умер Борис Пастернак?
Еще помня окрестные тени
бальзамины в тяжелой росе,
замирающий смех в отдаленье
и прогулки его по шоссе.
Еще помнят живого поэта
изумрудные свечи дождей!
В перепалках вчерашнего лета
еще слышатся крики стрижей.
Где же он, предводитель дубравы,
корабельного бора вожак?
Увядают могучие травы,

скрип сосны, словно поданный знак.
Шорох птицы, души изумленье –
Это он! Но не слышно шагов.
Он в лукошке несёт, как виденье,
разноцветные сажены слов.
И наощупь, теперь уж наощупь
озирает рукой пустыри,
где восходит раздвинувший рощу
ослепительный лемех зари!..

*

Проснешься утром... Что откуда,
спросонок разу не поймешь.
Стоит холодная посуда,
и по столу струится нож.
Надолго инеем кромешным
Зарос большой квадрат стекла.
Ни о каком событии внешнем
еще и речь не потекла.
И мысли первые случайны,
и вьюги плавающий звук.
В углу на ниточке молчанья
озябший лепится паук.

*

В час предпоследний, вспоминая о вас обо всех,
шел я один и просыпал полузабытые строки.
А в грозовых тучах загромыхал чей-то смех,
да так, что порхнули в ельник перепуганные сороки!
И чтобы слишком не загрустить оттого, что был,
что эту шумную жизнь, как пустяк, забуду,
любимые человеческие слова я вслух говорил
и наклонялся в траву к вечнозелёному её люду.
И к летнему небу улыбочное лицо поднимал,
словно и оттуда кто-то сюда наклонялся,
нас, крошечных, разглядывал, называл
и именами нашими откликался...

*

Снова ты в этом мире! Мокрые вздохи деревьев, –
видно, совсем недавно тёплый прошёл дождь!
Птицы не гомонят, а на полях за деревней,
как буруны перекатов, журчит созревшая рожь.
А в небесах светло, будто за облаками,
души давно забытых взгрустнули едва-едва
о голубой земле, которую ты руками
ласково обнимаешь, пока бормочет листва.
Снова ты в этом мире, где паровозик строчит
шов поворота и – вверх кувыркается дым,

где оживает сад и под горой ворочает
яблоневые кусты, полные голубым...
Непобедима жизнь! Бронза и мякоть плода!
Эти плоды ешь, эти дожди пей!
И запрокинь лицо перед рекой небосвода,
и говори с улыбкой: лей, мое небо, лей!..

*

В. Крекову

Зима летит! И долго в вышине
клубящиеся горы носит ветер.
Обвалы одуванчиков небесных
на этот город валяются с утра.
Вокруг бело, и нет ещё тропинок,
когда, по другу вновь затосковав,
иду к нему в далекое заречье,
минуя мост, теченье, дамбу, свет
облепленных кустов, канав, обочин...
Взбираюсь по горбатым переулкам,
но шапку обронил и съехал вниз,
где свадьбу на соседней улице играют
и пляшут гости, высыпав на двор...
И вот, намаявшись, хоть выжимай рубаху,
знакомый дом по ставням нахожу.
Он весь зарос щетиною малины,
крыжовником и рябью снегирей.
Чу! Россыпью вспорхнули эти птицы!
Стучу с разбега красным кулаком
в кривую дверь и, как в каменоломню,
с порога – в низкий сумрак захожу.
Меня товарищ мой по-братски обнимает.
Он прям, как звездочёт, и головою
почти достал белёный потолок.
На ржавой печке дребезжит, вскипая, чайник,
и вкусен пар картофелин варёных,
и мы за стол садимся не спеша...
Уютно здесь, в жилище неказистом!
И радостно, что есть на свете дом,
куда легко прийти, буробя первопуток,
и первый снег стряхнуть с воротника.
Начало той поры великолепной,
когда свежо, когда встают всей толщей реки,
сегодня вновь мы дружески отметим
за музыкой и чтением стихов.
И у окна, где нестерпимо ярок
огромный косогор, заполнивший всё сердце
сквозным столпотвореньем тополей,
в какой-то миг охватит нас молчанье
и дух скует на несколько минут
видением земли преображённой!..

*

Не спеши, о зеленое лето,
столь недолгое в нашем краю!
Лопуха благородная лепка
мне напомнила чашу твою.
Наклоняясь, приник без опаски,
различив отраженье лица,
и живительной влаги, как в сказке,
весь глоток замахнул до конца!
Если это не вихри очнулись,
Кто извлек мою душу из тьмы?
И, как к глухонемому, вернулись
речь и слух после мёртвой зимы.
Под морозами спины сутуля,
мы намёрзлись на родине так,
что до самой середины июля
нам еще не согреться никак.
Но услышал я милую гостью –
за оврагом кукушку в кустах,
и увидел, как белою гроздью
дозревают дожди в небесах.
Где трепещет осинник у взгорья
и смолою текут кедрачи,
в грудь ударило воздухом поля,
будто от раскаленной печи!..

*

Слышу дни, когда дом наполнялся,
оживал голосами друзей.
Неуклюжий дымок поднимался
из трубы по-над баней моей.
Сохли веники, мята, вербейник
на тесовой веранде, где чай,
где балованный всеми затейник
острословил как бы невзначай.
Кто-то спорил об истинах старых,
как ни странно, всегда молодых,
о стихах и любви, о Стожарах,
о загадках явлений иных.
В это теплое время босое,
когда сутки почти что светло,
нисходило к нам нечто большое
и товарищами нарекло.
Мы спускались тропою к колодцу
по малиннику и пихтачу,
где студеная прозелень льётся,
намечая начало ручью.
Но горячего воздуха токи
протекали за ворот с виска,
и от хвои, опавшей под ноги,

там пружинила почва слегка.
Как оттягивал руки подземный
холодок, заключённый в ведро!
Как внезапно тоской сокровенной
на мгновение сердце свело!
Вот свисток электрички поранит
за тайгой вечеряющий свет,
одиночество за спину встанет.
Помашу вам легонько вослед.
А когда от затихшей опушки
возвращусь молчаливый назад –
долго мне в деревянной ракушке
шутки, возгласы ваши гудят!..

*

Есть паузы в осенней непогоде,
когда и ветер в сердце не дохнёт!
И тишина, мелькнувшая в природе,
сама себе отчёта не даёт.
Ещё повсюду запах сенокоса
и копна, как лохматые дома.
И тень тайги, поставленная косо,
преломлена речушкою до дна!
Где душным днём видней из-под ладони,
как ледники сверкают в небесах,
припомнишь вдруг о брошенном кордоне
в густых, как смоль, нехоженных лесах.
Там синевой долины обмелели,
и тем глубинка эта хороша,
что смотришь в мир как бы из колыбели,
наивностью открытья дорожа!
В простой избе с просветом в три оконца
когда-то жил большой семьёй лесник,
и в ельнике, где бродят пятна солнца,
над ним давно сомкнулся материк.
Лишь с безымянным памятником вровень
здесь каждый год июньскою порой
цветут в обнимку жаркий марьин корень
и крестиками шитый зверобой!..

*

Пусть так будет: опять оживут
дни мои, и раздумья, и чувства!
Эти пригоршни светлых минут
ощущения вечного русла!
Пусть вернётся в немое зерно
жизнь моя, взматеревшая древом.
И свершится, чему суждено,
не пустыми ловами, но хлебом.
И всё глубже во зрелость входя,

а судьбою дано, так и в старость,
буду юноша, отрок, дитя,
что когда-то слезой умывалось!
Эти ветры, влетевшие мне,
в колыбель и грозой, и метелью,
как преданья о русской земле –
пусть гремят и над смертной постелью!
Ибо ласковой нет ничего,
чем тепло материнского поля.
Ибо выше чела моего
неусыпна Отцовская воля!..

*

Пора кучевых облаков,
июльского зноя вершина!
Под синею толщей веков
развернута свитком равнина.
Глазами нырну в глубину,
ковыльные версты читая, –
увиджу какую страну
с лесами, хлебами без края?
Увалы китами плывут,
змеятся таинственно реки,
горячие вихри бегут
в дрожащие маревом степи.
Э-эй, наливные поля,
селенья за вольницей далее –
неужто все это земля,
которую русской назвали?
Россия... На тысячи лет
идут о тебе разговоры.
Ты кровью скрепила завет
возделывать эти просторы.
Твои ожидания пойму,
но лемех былых поколений
так тяжек, что приподниму –
и в землю уйду по колени!..

*

Храм не храм, а как будто бы облако
и луга, и щетина лесов,
и следы позабытого волока
к горизонту, в страну праотцов –
вот такую, широкой и древнею,
Русь, еще открываешься ты!
И люблю над твоими деревьями
звёздный ворох ночной немоты.
Знать не знать бы, что где-то за далями
потрясён человеческий дух
и гибает земными печальями

столько вдов, и калек, и старух!
Но в пространстве, где плавают спутники,
и на тверди болящей, земной
узел жизни, завязанный судьбами,
напитался единой виной.

Потому
над равниною мгlistою
нет мне радости и полноты,
что слезою своей материнскою,
Русь, еще омываешься ты!..

*

Ни трав, ни цветов – только полдень сырой
да ветер несётся толчками!
Пустынною острою этой порой
и слякоть мила под ногами.
Пойду я пытаться одиночество дум
подальше, подальше от дома,
чтоб этот древесный мятущийся шум
рвал душу и сердце знакомо.
Навстречу мне встанет полей чернота,
суровость в чертах и во взорах...
Но, отчина, в этом твоя красота,
и сладко мне зябнуть в просторах!
Родные, родное... В который уж раз
утешусь крупницей печали,
что страшному жребию Бог не отдаст
и эти забытые дали.

*

Как сокол парит на воздушном столбе,
как будто покоится в синих глубинах,
так зоркое сердце само по себе
как будто покоится в далях родимых!

Неведомо как, неизвестно куда,
как дым от огня, как стена грозовая,
как сны об отчизне, уходят года,
но видится каждая мелочь живая.

Клубится пространство вверху и внизу.
И лица родные, и ветры родные
солёною былью текут по лицу
в какие-то дни и понятия иные.

Как будто бы этих широт и высот
и этих глубин окончанья не зная,
сам дух покаяния в сердце идёт,
берёз троеперстием нас охраняя.

*

Под хорошо отбитою косою
цветы и стебли валятся стеной.
Пройду покос и влажною травною
сталь оботру, блестящую, как зной.
И будет утро дня переливаться
теньями всеми, воздухом тайги.
И не устанет жизнь называться
всё, что увижу я из-под руки.
Вон, по низинам, скрытое движенье
истоков рек, студёных родников.
Вон, на бугре, прощенье и забвенье
кладбищенских родных березняков.
И эта ширь неназванного луга,
и светлые рубахи косарей.
И этих трав полёгшая округа
в росе и мощи зрелости своей.

*

На закате не вижу, не слышу
шумный натиск мелькнувшего дня.
Дует ветер на темную крышу,
лес и поле в насечке огня.
Через поле с клоками соломы
костоломный идет холодок.
На глухие лесные схороны
край вечернего морока лёг...
Я помедлю, я только помедлю,
задержусь у закрытых ворот:
вижу, слышу, как жизнью и смертью
время осени дышит с болот.
Знаю, чувствую эту истому
подступающей тайны земли,
как шадящую волю к простому
выражению нашей любви.
Но и Слово, что было в начале,
выше в мире которого нет,
тем пронзительней чувством печали,
тем прекрасней впадением в свет.

*

Лежать в траве и в небеса глядеть,
где два орла в бездонности могучей
кругами ходят, обнимая твердь,
и вровень с темной грозовою тучей.
Я так люблю их непонятный ход,
предгрозовое это состоянье,
весь блеск и страх надмирного шептанья
текучих перепутанных высот!

Среди холмов и тёмных берегов,
где все слилось и длиться не устанет,
таинственно кивая из веков,
отец и мать мне зренье затуманят.
И как лежу среди ромашек я,
так и в небесном вихре пропадая,
в одном порыве, в счастье бытия
душа летает, плача и рыдая!..